

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

12 и 13 января 1973 г. в Париже проходил коллоквиум «О структуре французской орфографии». Организованный Национальным центром научных исследований, он был оформлен как заседание круглого стола, на котором собрались не только французские ученые, но и представители Бельгии, Канады, Италии и Советского Союза. Председателем была Н. Каташ, автор многих работ по французской орфографии, возглавляющая в Центре научных исследований сектор, в котором занимаются изучением графической формы языкового знака.

На двух первых заседаниях были рассмотрены проблемы графической системы французского языка: соотношение графической и акустической форм знака, отличительные признаки графем. Затем собравшиеся перешли к вопросам прикладного характера, связанным с преподаванием и реформой орфографии, обсуждению которых были отведены два других заседания.

Открывая коллоквиум, директор Центра научных исследований Б. Потье в своем выступлении остановился на лингвистическом аспекте проблемы, — он говорил о месте орфографии в системе графической репрезентации языковых единиц, о понятии графемы и ее соотношении с фонемой и морфемой. Докладчик отметил необходимость рассмотреть термин «просодема» и начать поиски его графических эквивалентов.

Н. Каташ предложила конкретные темы обсуждения: 1) к какому типу следует отнести французскую орфографию — считать ее фиксацией мысли (семов) или звуков? 2) как определить минимальную единицу этой системы?

С докладом, озаглавленным «Можно ли говорить о графической системе французского языка?», выступил сотрудник Центра научных исследований А. Порке. Автор считает, что такая система существует и что ее следует охарактеризовать как буквенно-звуковую и морфо-семантическую одновременно. Отношения между фонемами и графемами в языке не однозначны: одной фонеме соответствует несколько графем и, наоборот, соотношение: «одна графема — одна фонема» встречается наряду с соотношением «одна графема — несколько фонем».

Ж. М. Клиненберг, профессор Университета в Льеже (Бельгия), автор статьи «Является ли системой французская орфография?», которая не так давно вызвала много споров, резюмировал существующие в современной науке определения орфографии: звуковая и морфосемантическая (Порке, Каташ), связанная со звуком и связанная со смыслом (Эмбс), звуковое письмо с элементами идеографии (Шервель и Бланш — Бенвенист), звукографические константы и аналогичные серии (Тимоны). Эти определения убеждают, что речь идет о явлении, включающем элементы нескольких кодов и столь неоднородном, что термин «система» может быть применен к нему с большими оговорками.

Н. Каташ, напротив, подчеркнула, что орфографию можно считать системой. В основе связей эта система фонологична, так как служит для передачи звучащей речи: 75—80% графических знаков входят в группу акустико-графических соответствий (отношение: фонема — графема); однако графические символы не являются простой фиксацией звучащей речи, они сообщают дополнительную информацию. Существует пять видов отношений между графемами и фонемами: 1) фонологические, 2) морфологические или, точнее, морфосемантические, 3) смыслоразличительные, 4) этимологические, 5) исторические. 4 и 5 виды имеют отношение только к диахронии, 3 вид не является постоянно действующим, в то время как первые два являются для системы определяющими. Вот почему автор предлагает определить систему французского языка как фономорфологическую.

На втором заседании обсуждались вопросы об определении графемы и об отношении орфографии к другим подсистемам языка.

Доклад «Звукобуквенный алфавит французского языка» прочел Р. Тимоны. При обсуждении доклада Е. Юнг, преподаватель Липея в Буксвиле (Эльзас), охарактеризовал основные тенденции в фонологической системе современного языка. Ж. -М. Клиненберг отметил, что описание соотношений между фонемами и графемами, предложенное Р. Тимоны, убеждает, что обе системы асимметричны, ибо для каждого звука существует до 15 графических вариантов.

С докладом «Акустико-графические отношения в морфологической системе современного французского языка» выступил Г. Сегуэн, профессор Университета в Оттаве (Канада). Изложение касалось вопросов, связанных с морфологией рода прилагательных и спряжения глаголов.

О другом компоненте графической системы говорила Л. Г. Веденяева (Москва) в докладе «Французская пунктуация и ее отношение к другим подсистемам языка». Положение о том, что в современном языке пунктуация, коррелируя с синтаксисом, является не частью орфографии, а самостоятельным разделом графической системы, вызвало оживленную дискуссию. Выступавшие (М. Коэн, Н. Каташ, Е. Деко, Э. Юнг, Д. Бонфанте) отметили, что во французской лингвистике сложилась традиция считать пунктуацию явлением факультативным, передающим лишь стилистические оттенки речи. Историки языка, однако, знают, что разделение фактов языка на грамматические и стилистические весьма относительно: известно, например, что перед тем как стать грамматической, орфография долгое время была стилистической. В настоящий момент грамматическая роль пунктуации не вызывает сомнения, и это должно найти свое отражение в грамматиках и учебниках.

Доклад Е. Юнга «Порождающая орфография и программирование» содержал описание машины для перевода речи звучащей в речь письменную.

В докладе Н. Каташ «Графемы и архиграфемы современного французского языка» было предложено определение графемы. Графическую систему языка можно описать с помощью наиболее устойчивых ее элементов. Таковыми являются архиграфемы, они составляют основной фонд графической системы языка.

На третьем заседании рассматривались вопросы, связанные с преподаванием орфографии. С докладом «Учебный фонологический алфавит для школ» выступил заведующий кафедрой общего языкознания Парижского университета А. Мартине. Он предложил систему графических знаков для записи звучащей речи.

В докладе «Обучение алфавиту и визуально-акустические соотношения» Н. Каташ предложила свою классификацию графических символов французского алфавита. Классификация построена в направлении от письма к речи, исходит из архиграфем и учитывает дистрибуцию графем. Она более экономична по сравнению с фонологической. Классификация предназначена для учителей, которые будут перестраивать обучение в соответствии с требованиями времени и данными лингвистической теории.

При обсуждении столкнулись два мнения: одни считали такой алфавит более привычным, отвечающим разным типам произношения и поэтому более рациональным (Л. Паск, Ж. Бонфанте, Е. Деко), другие (А. Мартине) отдавали предпочтение алфавиту фонологическому, полагая графическую форму условностью, которую язык принимает или отклоняет на определенных этапах развития.

На последнем заседании коллоквиума обсуждался вопрос о реформе орфографии. Был прослушан доклад А. Порке «Основные предложения по реформированию орфографии», который обобщил дискуссию, уже пять десятилетий не прекращающуюся во Франции. А. Порке охарактеризовал три основные точки зрения по этому вопросу: 1) фонетическая (или фонологическая) — наиболее революционная — стремится максимально упростить отношения между звуком и графическим знаком и считает излишней морфологическую функцию письма; 2) другое течение — диаметрально противоположное фонетистам и наиболее консервативное — предлагает сохранить неизменной современную орфографию, «приведя в систему» некоторые частные случаи, и видит решение всех противоречий в улучшении методов преподавания; 3) третья группа придерживается более умеренных взглядов, считая возможным частично упростить отношения между акустическими и графическими знаками, а также в какой-то степени систематизировать отношения внутри графической системы. Сторонники этой точки зрения предлагают проводить реформу постепенно, в несколько этапов.

Во время дискуссии было отмечено, что реформу желательно проводить в следующем порядке: на начальном этапе упростить отношения между графической и звуковой формами (Н. Каташ), а затем после тщательных исследований перейти к реформированию так называемой орфографии морфологической (Е. Юнг), которая, по мнению педагогов, в отличие от традиционной орфографии не является трудной (у школьников 75% орфографических ошибок, в то время как грамматических ошибок 33% — 20%, по данным Ф. Терса).

Н. Каташ вынесла на обсуждение следующие предложения по реформированию орфографии: 1) реформа должна протекать в границах определенной языковой сферы; 2) она должна быть направлена вглубь и касаться всех категорий рассматриваемого класса; 3) она должна основываться на всестороннем изучении графической системы; 4) описание графической системы языка должно быть коллективным, в этой работе должны участвовать люди разных профессий, в том числе педагоги и работники типографий и издательства; 5) наметки общий план проведения реформы и конкретные

его этапы, следует следить за неукоснительным выполнением этого порядка; 6) желательно начать реформу с преобразований, по поводу которых нет существенных разногласий; 7) не вводить новых типографских знаков; 8) во всех преобразованиях стремиться не усложнять, а максимально упрощать систему; 9) частичными преобразованиями не нарушать общей схемы; 10) обращать внимание на крупные серии и большие группы в противоположность мелким преобразованиям, которыми занималась Академия; 11) в интересах сохранения поэтической традиции стараться не изменять количества слогов в слове; 12) максимально сократить варианты для различения омонимов, учитывая смыслообразительную роль контекста; 13) сократить количество вариантов (правила употребления дефиса, вспомогательных символов; правила написания прилагательных, обозначающих цвет; имена собственные и т. д.).

Г. Сегуэн предложил дополнить эту программу пунктом о необходимости учитывать интересы и особенности франкоговорящих стран. Эти 14 предложений были поставлены на голосование и одобрены присутствующими.

В речи на закрытии коллоквиума Н. Катарш подвела итоги: в процессе работы удалось найти определение графической системы языка и выявить отличительные признаки графем; собравшиеся пришли к общему мнению о необходимости изменить преподавание орфографии в школе и к выводу о современности реформы, наметив пути ее проведения.

Л. Г. Веденина (Москва)

*

14–16 июня 1973 г. в Томском гос. пед. ин-те им. Ленинского комсомола состоялась III Всесоюзная научная конференция «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», посвященная памяти лауреата Государственной премии СССР проф. А. П. Дульзона, который положил начало комплексному изучению обсуждавшейся на конференции проблемы.

На пленарных заседаниях были обсуждены доклады К. Ф. Гриценко и О. А. Осиповой (Томск) «А. П. Дульзон — исследователь истории аборигенов Сибири и их языков», В. А. Зибарева (Томск) — «Народы Северной Сибири к 50-летию СССР», Г. И. Пелих (Томск) «Ретроспективные возможности этнографии», В. И. Матющенко (Томск) «Итоги и задачи исследования бронзового века Западной Сибири», Н. М. Терещенко (Ленинград) «Обоснование исконного родства языков са-

модийской группы», Г. А. Меновщикова (Ленинград) «Эскимосско-алеутская языковая общность и ее отношение к другим языкам»¹, А. Н. Дьячкова (Якутск) «Современное представление об этногенезе якутов», Вяч. Вс. Иванов (Москва) «Типологическое и генетическое истолкование сходств между кетским и американскими индейскими мифами о разорителе орлиных гнезд», М. Н. Вала и Г. К. Вернера (Таганрог) «Об истоках надежной системы в енисейских языках».

В докладе К. Ф. Гриценко и О. А. Осиповой внимание уделялось, в первую очередь, методике исследовательской работы А. П. Дульзона, а также заслугам ученого в решении лингвистического аспекта проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков (кетский, хантыйский, мансийский, порский, нганасанский, эвенкийский, чулымско-тюркский, нижнетомско-тюркский, селькупский). Особо подчеркивалась, что А. П. Дульзон исследовал различные аспекты кетского языка, сыгравшего, как теперь известно, большую роль в этногенезе народов Сибири.

В докладе Н. М. Терещенко отмечалось, что объективные трудности в обосновании родства самодийских языков обуславливаются не только отсутствием древних письменных памятников (первоначальные отрывочные записи восходят не далее XVII в.), но и недостаточностью публикаций текстовых записей и других материалов по всем самодийским языкам и прежде всего — нганасанскому и энецкому языкам, нарымскому наречию селькупского языка. В связи с этим большую роль должно сыграть рационально поставленное исследование отдельных языков и их диалектов, производимое на основе полевых материалов, собранных в различных районах расселения самодийских народностей. Остановившись на структурно-типологической характеристике самодийских языков, в плане сравнительного генетического исследования, Н. В. Терещенко приходит к выводу о большей близости между собой ненецкого, энецкого, нганасанского языков и известной отдаленности от них селькупского.

Вяч. Вс. Иванов установил, что кетский миф о разорителе орлиных гнезд, записанный в свое время А. П. Дульзоном, аналогичен мифу американских индейцев, определенному К. Леви-Стросом как центральный в мифологии американских индейцев как по своему построению, так и по составу описываемых событий. По мнению докладчика, целый ряд сходных черт может быть обоснован не только типологически, но и генетически, что имеет несомненное значение как для исследования происхождения

¹ См.: ВЯ, 1974, 1.

кетов, так и для выяснения древнейших связей народов Сибири.

В докладе М. Н. Валл и Г. К. Вернера высказано предположение о возникновении склонения существительных в енисейских языках на основе местоименного склонения с использованием противопоставления двух рядов личных местоимений — активного (при обозначении активного субъекта действия) и инактивного (при обозначении состояния субъекта).

Работа конференции проходила по следующим секциям: 1) лингвистика, 2) топонимика, 3) древняя история и этнография.

Наиболее представительной была секция лингвистики, на которой было прослушано и обсуждено 24 доклада.

Продолжая изучение слоговых тонов в енисейских языках, Г. К. Вернер в докладе «Отражение слоговых тонов в записях по енисейским языкам XVIII в.» рассмотрел проблему на основании взаимодействия между тонами и звуковой системой в современных кетских диалектах при несомненном условии такого взаимодействия также и в диалектах XVIII в.

В докладе А. И. Кузьминой (Новосибирск) «К вопросу о категории множественности в селькупском языке» категория мн. числа имени существительного селькупского языка исследовалась в свете общей теории множества в языке и в плане сопоставительного изучения языков.

Детальному рассмотрению особенностей образования мн. числа существительных двух родственных языков — кетского и котского — был посвящен доклад Т. И. Поротовой (Томск) «Кетско-котские параллели в области числа существительных».

Доклад В. М. Наделяева (Новосибирск) «Фарингализация гласных» был посвящен вопросу о фонологической значимости фарингализации гласных в различных языках Сибири.

А. Кюннап (Тарту) в докладе «О соотношении словоизменения и словообразования в самодийских языках» (на материале селькупского языка) попытался объяснить отсутствие в самодийских языках общих для них форматов наклонений и времен тем, что система наклонений и времен в этих языках — явление сравнительно позднее.

В докладе Э. Г. Беккер (Томск) «Функциональная направленность родительного падежа в селькупском языке» этот падеж характеризовался как один из древнейших и универсальных падежей в селькупской системе склонения, о чем свидетельствует как сфера употребления, так и многообразие (порой — архаичность) функционального содержания имени в род. падеже. Словоформа

род. падежа, долгое время оставаясь морфологически недифференцированной в отношении относительного и притяжательного признаков определения, и в настоящее время продолжает иногда совмещать в себе оба этих признака в связи с тем, что процесс морфологического разграничения категорий относительности и притяжательности, которое претерпел селькупский язык, не завершился.

На секции топонимии особый интерес вызвали доклады И. А. Воробьевой (Томск) «Русская адаптация субстратных топонимов Западной Сибири», К. Ф. Гриценко (Томск) «Иноязычные топонимы на территории Якутии», А. А. Бонюхова (Новокузнецк) «Дифференциальные признаки шорских топонимов», С. Н. Муратова (Ленинград) «К этимологии слова „Сибирь“».

И. А. Воробьева считает, что надежность этимологизирования топонимов аборигенных народов Сибири зависит, прежде всего, от степени изученности вопросов русской адаптации иноязычных географических имен; при этом важно учитывать, какими способами заимствованные топонимы включаются в грамматическую систему русского языка.

В докладе К. Ф. Гриценко сделана попытка этимологизировать иноязычные топонимы Якутии на основе материалов современных тунгусских, чукотского, якутского и русского языков.

При анализе шорских топонимов А. А. Бонюхов учитывает совокупность их дифференциальных признаков — структурных, семантических и фонетических.

В докладе С. Н. Муратова название Сибирь связывалось с др.-тюрк. *сибир* /*сигир*/ *сийир* «земля, территория, местность, охотничье угодье», которое сохранилось в современном якутском слове *сибиир* «земля».

На заседании секции древней истории и этнографии было прослушано 11 докладов. Наибольший интерес вызвали доклады Д. Г. Савинова (Томск) «К этнической принадлежности сrostкинской культуры», М. И. Боргоякова (Абакан) «О кайдынцах и их языке», Н. Б. Киле (Владивосток) «Антропонимия у нанайцев», Н. А. Томилова (Томск) «О некоторых этногенетических и историко-культурных связях барабинских татар (по данным материальной культуры)».

На заключительном пленарном заседании был заслушан доклад О. А. Осиповой (Томск) «История проведения экспедиций к малым народам Севера под руководством профессора А. П. Дудылова».

Т. И. Поротова, Э. Г. Беккер (Томск)

CONTENTS

Towards the 250-th anniversary of the Academy of Sciences of the USSR: F. P. Filin (Moscow). On the origins of the Russian literary language; F. M. Berezin (Moscow). Theoretical linguistics in the Russian Academy of Sciences; V. I. Kodukhov (Leningrad). The development of linguistic theory in the Academy of Sciences of the USSR; A. N. Kononov (Leningrad). Turkic linguistics in the Academy of Sciences; S. P. Mordvinova, G. Y. Romanova (Moscow). On the sources of the Russian word-stock of the XI—XVII centuries; Discussions: V. V. Lopatin, I. S. Ulukhanov (Moscow). Some controversial problems of Russian derivative morphonology; I. A. Perelmutter (Leningrad). On the opposition «transitivity-intransitivity» in the Indo-European verb system; Materials and notes: G. H. Ibragimov (Makhačkala). On the polyinflectional character of the noun-plural in Eastern Caucasian languages; I. G. Melikišvili (Tbilisi). The study of hierarchic relations of phonological units; P. Gardé (Aix). On the history of East-Slavonic mid-open vowels; **Reviews.**

SOMMAIRE

A l'occasion de 250-me anniversaire de l'Académie des Sciences de l'URSS: F. P. Filin (Moscou). Sur les sources de la langue littéraire russe; F. M. Berezin (Moscou). Linguistique théorique à l'Académie des Sciences de Russie; V. I. Kodukhov (Léningrad). Le développement de la théorie linguistique à l'Académie des Sciences de l'URSS; A. N. Kononov (Léningrad). Linguistique turque à l'Académie des Sciences; S. P. Mordvinova, G. Y. Romanova (Moscou). Sur les sources du lexique de la langue russe des XI—XVII siècles; Discussions: V. V. Lopatin, I. S. Ulykhanov (Moscou). Quelques points de discussion de la morphologie dérivative russe; I. A. Perelmutter (Léningrad). Sur l'opposition «transitivité-intransitivité» du verbe indo-européen; Matériaux et notices: G. H. Ibragimov (Makhačkala). A propos du caractère polyflexionnel du pluriel des substantifs dans les langues caucasiennes; I. G. Melikišvili (Tbilisi). Étude des rapports des unités du niveau phonologique; P. Gardé (Aix). L'évolution des voyelles d'aperture moyenne en slave oriental; **Comptes-rendus.**

Технический редактор Т. В. Ванкова

Сдано в набор 28/II-1974 г.	Т-06552	Подписано к печати 5/V—1974 г.
Зак. 247	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Тираж 7475 экз.
	Усл. печ. л. 14,0	Бум. л. 5,0
		Уч.-изд. л. 16,0

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10